

О подготовке Антоном Владимировичем Карташевым книги о Святой Руси

А. В. Антощенко

Для цитирования: *Антощенко А. В.* О подготовке Антоном Владимировичем Карташевым книги о Святой Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 244–259. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.116>

Статья представляет результат исследования архивных и опубликованных автором источников, впервые вводимых в научный оборот. Методологической основой изучения материала является нарратологический анализ, предполагающий поликонтекстуальный подход к изучению процесса создания и публикации книги известного эмигрантского общественно-политического деятеля и историка А. В. Карташева. Автор выделяет идейно-политический, религиозно-церковный, академический и организационно-финансовый контексты. Идейно-политический контекст определялся изменениями в среде эмигрантов после Второй мировой войны. Распространение советского патриотизма среди части эмигрантов первой волны вследствие признания решающего вклада Красной армии в победу над нацистской Германией побуждало историка напомнить им об антибольшевистских истоках пореволюционной эмиграции. Для антисоветски настроенных «ди-пи» (displaced persons, перемещенных лиц), составивших вторую волну эмиграции, книга А. В. Карташева представляла религиозно обоснованный идеал, который мог послужить основой для их культурно-исторической идентичности. Религиозный контекст обуславливался неудачей объединения православных церковных организаций эмигрантов, что требовало от автора размежеваться с реакционной программой протагонистов Русской православной церкви за рубежом. Ситуация усложнялась разрывом между старшим и молодым поколениями представителей «школы парижского богословия», характеризующим академический контекст. Вследствие этого А. В. Карташев вынужден был размежеваться и с теми молодыми богословами и историками, окончившими Свято-Сергиевский православный богословский институт, которые не разделяли его интерпретацию халкидонского догмата. Именно раздел книги, названный «Размежевания», был наиболее значимым для самого автора, тогда как для большинства читателей важнее оказалась часть, где излагались идеи о Святой Руси. Наконец, организационно-финансовый контекст, также зависевший от идейно-политического, определил то, что А. В. Карташев не мог искать финансовой поддержки у американского куратора Свято-Сергиевского богословского института в Париже, а вынужден был обратиться за нею к братьям Новицким, которые организовали сбор средств на публикацию книги среди русских православных эмигрантов в Соединенных Штатах.

Ключевые слова: А. В. Карташев, Святая Русь, российская эмиграция после Второй мировой войны.

Александр Васильевич Антощенко — д-р ист. наук, проф., Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Ленина, 33; ant@petsu.ru

Aleksandr V. Antoshchenko — Dr. Sci. (History), Professor, Petrozavodsk State University, 33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; ant@petsu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The Contexts behind the Creation of Anton Kartashev's Book about Holy Rus'

A. V. Antoshchenko

For citation: Antoshchenko A. V. The Contexts behind the Creation of Anton Kartashev's Book about Holy Rus'. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 1, pp. 244–259. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.116> (In Russian)

Based on archival and published sources, the author analyzes complex contexts of writing a narrative about Holy Rus' by a well-known émigré historian. The political and ideological contexts were determined by changes in the composition and sentiments of Russian refugees after the Second World War. On the one hand, the spread of "Soviet patriotism" among some emigrants of the first wave as a result of their acknowledgement of the decisive victory of the Red Army encouraged the historian to remind them about the anti-Bolshevik origins of the post-revolutionary emigration. On the other hand, his book represented a religiously grounded ideal which could serve as the basis for cultural and historical identity of the anti-Soviet "displaced persons". The religious context was primarily determined by the failure to unite the Orthodox jurisdictions of Russian emigrants after the World War II, which required the historian to dissociate himself from the reactionary program of protagonists of the Russian Orthodox Church Abroad. The situation was further complicated by the disagreement between older and younger generations of the representatives of the "School of Parisian theology", which characterized the academic context. As a result, Kartashev had to disassociate himself with those of his disciples who did not follow his interpretation of the Chalcedonian dogma. Last but not least, the organizational and financial contexts, which also depended on the ideological and political contexts, meant that he could not seek financial support from the American curator of Saint Sergius theological institute in Paris, but applied for it to Novitsky brothers who organized fundraising activity among Russian Orthodox emigrants in the United States to ensure publication of the book.

Keywords: Anton V. Kartashev, Holy Rus', Russian emigration after the World War II.

Антон Владимирович Карташев (1875–1960), известный историк Русской православной церкви, государственный, политический и общественный деятель, как прорицатель, предсказал судьбу своей вышедшей в Париже в 1956 г. книги «Воссоздание Святой Руси», заявив, «что эта книжка... в освободившейся России будет жить долго, переиздаваться, играть действительную роль»¹. Действительно, в постсоветский период книга выдержала несколько изданий и, что более важно в современных условиях, была размещена на крупнейших интернет-сайтах православной религиозной литературы. Вместе с возвращением книги на родину ее автора началось изучение ее главных идей², а затем их рецепция и адаптация к современной

¹ «Я был обязан заклеить самый факт». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1956 г. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4. С. 285.

² Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече. 1997. Вып. 9. С. 71–86; Сахаров А. М. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 89–107; Сомин Н. В. А. В. Карташев о взаимоотношении церкви и государства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы 1998 г. М., 1998. С. 159–162. — В качестве предшественника этих исследований можно назвать американского историка Н. Н. Петро. См.: Petro N. N. Challenge of the «Russian Idea»: Rediscovering the Legacy of the Russian Religious Philosophy // Christianity and Russian Culture in Soviet Society. London, 1990. P. 206–212. — Напротив, французский исследователь

российской ситуации³, что иногда вызывает критику⁴. При этом не всегда учитываются конкретно-исторические условия создания книги, которые определили ее структуру и содержание. Последнее обстоятельство имеет важное методологическое значение, поскольку без учета контекста создания публицистического по своему характеру произведения невозможно адекватно понять формирование его структуры, а следовательно, и смысловых значений содержания. Обязательной при этом является реализация принципа поликонтекстуализма, что в данном случае предполагает учет сложного переплетения идейно-политического, религиозно-церковного, академического и организационно-финансового контекстов. Причем речь должна идти не обо всех внешних, заданных условиях подготовки издания книги, а о тех, которые воспринимались самим А. В. Карташевым как наиболее значимые, а потому и повлиявшие на ее содержание. Именно так указанные контексты будут рассматриваться в данной статье, что позволит определить предполагаемых читателей, которым адресовалась книга, и значение для них и для автора отдельных частей исторического нарратива, оформлявшего ее содержание. Понятно, что эти значения могли не совпадать.

Впервые о подготовке публикации книги «Воссоздание Святой Руси» было объявлено в отчете о деятельности Свято-Сергиевского православного богословского института (ССПБИ) в 1953 г. Она должна была выйти в серии «Православие и современность»⁵. Через два года, характеризуя это объявление, сам Антон Владимирович уточнил, что книга была написана «еще под немецкой оккупацией», а в 1952 г. «подновлена» по просьбе издававшего серию В. В. Зеньковского, но не была опубликована. Причина — не та, что была официально объявлена, — отсутствие средств, а, как полагал А. В. Карташев, идеологические соображения. Об этом, с его точки зрения, свидетельствовала и задержка публикации в издательстве «Посев», куда была передана рукопись книги⁶. Таким образом, для восстановления адекват-

А. Нивьер в своей обзорной статье об А. В. Карташеве хотя и упоминал о его концепте Святой Руси, но не рассматривал его книгу «Воссоздание Святой Руси». См.: *Nivière A. Anton Kartachev historien de l'Église // Les historiens de l'émigration Russe. Paris, 2003. P. 138–139.* — К сожалению, в новейших отечественных публикациях о книге нет новых данных, а исследование ограничивается реферированием ее содержания. См.: *Пешков А. А.: 1) Концепция «Святой Руси» в творчестве А. В. Карташева // XXI Рождественские православно-философские чтения. Русская православная церковь и отечественная государственность. Н. Новгород, 2012. С. 182–187; 2) Теократическая миссия Церкви в современном обществе в идее «Возрождения Святой Руси» А. В. Карташева // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2018. № 16. С. 435–447.* — Невозможно согласиться с А. А. Пешковым, сближающим творчество А. В. Карташева с неопатристическим синтезом Г. В. Флоровского, учитывая резкую критику последнего А. В. Карташевым именно за ограниченность такого синтеза. Ср.: «Я был обязан заклеить самый факт». С. 284–285.

³ *Лепяхин В.* Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и исторические категории Святой Руси. Ч. 4. URL: <https://pravoslavie.ru/340.html> (дата обращения: 10.12.2020); *Назаров М. В.* Духовные основы Святой Руси и Русской монархии. URL: <https://litbook.ru/article/6561/> (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ *Богатырев М.* Карташев и Бердяев. URL: <https://proza.ru/2016/10/08/147> (дата обращения: 10.12.2020); *Назаров Н. М.* А. В. Карташев — от масонского министра — к апологету Св. Руси. URL: <https://rusidea.org/?a=25091005> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵ *Спасский Ф. Г.* Краткая летопись академической жизни (за 1949–1952 гг.) // Православная мысль. Париж, 1953. Вып. IX. С. 166.

⁶ «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1954–1955 гг. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 298.

ной картины рассмотрение контекстов необходимо начать сразу же после Второй мировой войны и с идейно-политической позиции, которую занимал в то время А. В. Карташев.

Наиболее значимым моментом изменения политической обстановки в Европе, да и вообще в мире, повлиявшим на положение российской эмиграции, был существенно возросший международный авторитет СССР после окончания войны. Являясь следствием решающего вклада Красной армии в победу антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее сателлитами, он порождал среди определенной части эмигрантов так называемой первой, пореволюционной волны чувство «советского патриотизма»⁷. «Что поражает здесь у нас в казенной и подхалимской печати (переносимой и во французскую прессу), — писал А. В. Карташев по этому поводу своему другу Г. И. Новицкому в Нью-Йорк 18 октября 1945 г., — это пошлость тона, напускной фальшивый “патриотизм” и забвение всех своих эмигрантских “святынь” — работа ослиных копыт, соединенная с угрозами доносов и террора»⁸. Это вызывало тревогу и неприятие у А. В. Карташева, которого больше вдохновляло значительное увеличение среди эмигрантов советских «ди-пи» (перемещенных лиц), не пожелавших вернуться на родину. Однако он скептически относился к появлению политических фигур, претендовавших на лидерство в среде этой второй, теперь уже послевоенной волны эмиграции, называя их «нацмальчиками», повторяющими «наши зады»⁹. Наблюдения за претендентами на «модно-передовую позицию» среди эмигрантов из «ди-пи» приводили его к скептическому заключению: «Нет авторитета ни в лицах, ни в знамени!»¹⁰ Думается, что в значительной мере именно в назидание им предназначались идеи об исторической судьбе Святой Руси, которые составили основу книги. Неоднократно высказанные историком в публикациях 1920–1930-х гг., эти идеи были неизвестны новому, послевоенному пополнению эмиграции¹¹.

Усиление коммунистического влияния во Франции сократило возможности выражения в печати антисоветских взглядов¹². «Мы живем здесь в несвободе, у нас нет эмигрантской печати, — жаловался Антон Владимирович в письме Г. И. Новицкому от 9 ноября 1945 г. — Нас пичкают двумя большевицкими еженедельниками: “Советский патриот” и “Русские новости” (Маклаков и бывшие милюковцы). Но это показная ложь. Это насилие, казенная диктатура над массой. Формально цензура снята, наступили демократические свободы. Но Щедрин давно написал конституцию города Глупова: §§ “жители имеют право свободно ходить по улицам

⁷ «О новой церковной ориентации». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1945 г. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко, И. В. Николаенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 3. С. 254–255. Ср.: Антошин А. В. Разные лики «советского патриотизма»? // Дискуссия. 2012. № 4. С. 12–16.

⁸ «О новой церковной ориентации». С. 249.

⁹ «Мы же живем как обреченные». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1948 г. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2. С. 299, 300.

¹⁰ Там же. С. 300.

¹¹ «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1946–1947 гг. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко, И. В. Николаенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 185.

¹² «О новой церковной ориентации». С. 243, 253.

и площадям” — “А ну-ка попробуй!” Вот эта конституция теперь здесь»¹³. В поисках выхода из сложившейся ситуации А. В. Карташев возобновил свои старые связи с С. П. Мельгуновым, в еженедельнике которого «Борьба за Россию» он систематически публиковался в конце 1920-х и самом начале 1930-х гг. В издаваемой им в Париже газете «Свободное слово» появилась первая послевоенная публикация Антона Владимировича, а в журнале «Возрождение» в 1947 г. увидела свет его статья «Непримиримость», наиболее полно отражавшая настроения соратников, объединившихся в 1948 г. в Союз борьбы за свободу России. Таким образом, А. В. Карташев возвращался к истокам своей эмигрантской политической программы, основополагающими принципами которой были центризм, непредрешенство и непримиримость¹⁴, надеясь, что они обеспечат популярность Союзу среди старых и новых эмигрантов¹⁵. В таком сочетании эти принципы воспринимались им не только как надежная основа для объединения антисоветских сил эмиграции, но и как заслон против соглашательства¹⁶. Неприязню к беспринципному соглашательству объясняется динамика его отношений с С. П. Мельгуновым, альянс с которым вновь, как и в межвоенный период, оказался кратковременным.

Уже с сентября 1950 г., когда Антон Владимирович отправился в долгожданную шестимесячную научную командировку в Рим, чтобы собрать новые материалы для «Очерков по истории Русской церкви», он вынужден был отметить свое «отдаление» от дел мельгуновского Союза или, по его собственному язвительно-му выражению, «от кухни, перевариваемой С. П. Мельгуновым»¹⁷. Причиной этого стало не столько географическое пространство, затруднявшее и без того не очень интенсивное общение между ними, сколько состоявшиеся в январе 1951 г. переговоры С. П. Мельгунова в баварском городке Фюссене о сотрудничестве с «действиями условно называемого “Американского комитета”», который должен был объединить все антисоветские политические группировки эмигрантов¹⁸. А. В. Карташев опасался уступок национальному сепаратизму, поддерживаемому, как он справедливо полагал, американскими правительственными кругами¹⁹. Об этом он подробно писал С. П. Мельгунову в письме от 21 февраля 1951 г.

¹³ «О новой церковной ориентации». С. 253.

¹⁴ Ср.: Егоров А. Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли угнаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 831–843.

¹⁵ «На нас лежит подвиг великого долготерпения». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1949 г. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 301.

¹⁶ «Позвольте быть до обнаженности откровенным». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1950 г. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 291, 292.

¹⁷ «Программу мельгуновского Союза борьбы за свободу России разделяю». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1951–1952 гг. / публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 1. С. 197.

¹⁸ Климович Л. В. Попытка объединения российской эмиграции в 1950-е годы (по материалам совещаний эмигрантских организаций в Фюссене, Штутгарте, Висбадене) // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 270–273.

¹⁹ Ср.: Volkman H. E. Die politischen Hauptströmungen in der russischen Emigration in Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg // Osteuropa. Zeitschrift für gegenwartsfragen des ostens. 1965. Hf. 4. S. 244.

Основными отправными положениями этого письма были два политических тезиса: внешнеполитический и внутриэмигрантский. Во-первых, он подчеркивал «руссо-боязнь» или даже «руссоненавидение», характерные, по его мнению, для европейской и американской цивилизаций, не понимающих мировое призвание России. Это делало беспочвенной всякую надежду на «беспорочную интервенцию». В отличие от своего бывшего коллеги по Свято-Сергиевскому институту Г. П. Федотова, предполагавшего разрушение в результате внешней агрессии, которую поддержат угнетенные народности, последней из европейских империй, под которой он подразумевал Советский Союз²⁰, А. В. Карташев отстаивал принцип великодержавности России. Этот принцип он провозгласил еще в 1926 г. на страницах первого номера издававшегося С. П. Мельгуновым еженедельника «Борьба за Россию»²¹. Придерживаться его Антон Владимирович призывал своего бывшего и нынешнего редактора и после Второй мировой войны. Во-вторых, А. В. Карташев настаивал на необходимости кристаллизации политического централизма в противовес изжившим себя «левым» политическим группировкам в эмиграции, последним прибежищем которых являлся сепаратизм, коренящийся в большевистском «праве наций на самоопределение». Исходя из этого, А. В. Карташев формулировал ряд конкретных требований: прояснение состава «Американского комитета», не коалиция с левыми, а центризм, верность армии и признание политических притязаний военных лидеров, издание «Российского демократа» для демонстрации разрыва с «левыми» сепаратистами и перегруппировки сил в эмиграции. В случае несогласия с этими положениями С. П. Мельгунова А. В. Карташев просил снять свое имя с обложки издания²².

Поскольку ответа на письмо не последовало, Антон Владимирович написал для первого номера нового задуманного С. П. Мельгуновым журнала «Российский демократ» «откровенно противосепаратистскую» статью, намереваясь тем самым четко заявить свою позицию и проверить степень готовности Сергея Петровича пойти на уступки «сепаратистам России». Вызывали у А. В. Карташева сомнения в возможности продолжать сотрудничество с ним и возникшие у С. П. Мельгунова разногласия «по национальному вопросу и по вопросу об оценке белого движения» с И. А. Ильиным и с Н. А. Цуриковым, с которыми солидаризировался Антон Владимирович²³, верный своему «галлиполийскому мифу»²⁴. Предложение внести изменения в статью («обидные выпуски и искажения», как охарактеризовал их А. В. Карташев) вызвали его ответную реакцию: он решил без «шумной демонстрации» уйти из редакции журнала, а затем постепенно отдалился от «группы Мельгунова»²⁵.

Таким образом, в политическом плане одним из мотивов подготовки к изданию книги «Воссоздание Святой Руси» было желание А. В. Карташева напомнить

²⁰ Федотов Г. П. Судьба империй // Новый журнал. 1947. № 17. С. 149–169.

²¹ Карташев А. В. Почему нам дорога Великая Россия? // Борьба за Россию. 1926. № 1. С. 8–11.

²² Письмо А. В. Карташева к С. П. Мельгунову от 21 февраля 1951 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. B. 1. F.: Kartashev, Anton Vladimirovich, Paris & Menton, France, 1951–1952, to Georgii Isakievich Novitskii, 2 a. l. s., 2 t. l. s.

²³ «Программу мельгуновского Союза борьбы за свободу России разделяю». С. 199.

²⁴ См.: *Самовер Н. В.* Галлиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 334–368.

²⁵ «Программу мельгуновского Союза борьбы за свободу России разделяю». С. 201–202.

старым и новым лидерам эмиграции о национальной традиции и четко отмежеваться от представителей «левых» (социалистических и сепаратистских, связываемых им воедино) группировок. Наряду с последовательным антибольшевизмом вторым критерием идентификации своих сторонников историк назвал признание единой державы, что определило его размежевание не только с С. П. Мельгуновым, но и, как видно из упоминавшегося письма, со своим бывшим коллегой по Свято-Сергиевскому богословскому институту Г. П. Федотовым. Последнее позволяет рассматривать эту книгу как продолжение скрытой полемики между ними, начатой еще в 1930-х гг.²⁶ Правда, теперь противопоставлялись не различные взгляды на святость в Древней Руси, а Pax Atlantica и Pax Rossica.

С учетом охарактеризованной выше перспективы вполне естественной стала реакция А. В. Карташева на просьбу его давней знакомой А. В. Тырковой-Вильямс поддержать программу Российского политического комитета, созданного в Нью-Йорке в 1953 г. под председательством Б. В. Сергиевского. В письме от 24 января этого же года он приветствовал появление этой организации и ее манифест, рассматривая их как начало ограничения монополии «левых» в представительстве эмигрантов в Америке и возведения преграды на пути сепаратизма. Особо в качестве заслуги комитета им отмечалось то, что в манифесте на первое место был поставлен принцип религии, а конкретно для России — православия. «Православие — это единственная и после 1000 лет уже незаменимая и неподменная “душа” того имперского “тела”, которое приобрело имя России, — писал он. — Все другие обычные построения этого “тела” только на интересе материальном, экономическом, — суть мертворожденные пустышки. Ни единому сердцу они ничего не говорят, никто за эти мертвые пустышки ни подвизаться, ни умирать не станет и безвкусно выпустит из рук на растерзание фанатическим грабителям, бешеным энтузиастам маленьких зоологических национализмов. Получится кровавый междоусобный хаос до новых мук “собираения Руси”. Но уже не как только “сытого стойла”, без души, святости и Бога, а как священного для сердца и совести видения (vision) “Святой Руси”. Не только “для нас” (без Св[ятой] Руси мы жить не будем и не хотим!), но и для всего человечества, для всего мира. Дело не в археологии, не в театральной реставрации безвозвратной старины, а творческом воссоздании на прежнем (для нас “вечном”) корне нового имперского тела “вечной России”»²⁷. Приветствуя антисоциалистическую направленность манифеста и поддерживая в качестве основополагающих принципов частную собственность в экономике и частную инициативу во всех сферах гражданской деятельности, А. В. Карташев вместе с тем развивал мысли, которые не вполне согласовывались с принципом непредреждения. В качестве идеала политического устройства «Великой, единой России» он называл конституционную монархию. Отмечая «водительство» русского народа в развитии государства и «первенствующее положение» православия, Антон Владимирович считал,

²⁶ Антощенко А. В. Концепция древнерусской святости Г. П. Федотова (об одной скрытой полемике в русской эмиграции 1930-х гг.) // Перекресток культур: междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 132–151.

²⁷ «Дальнейшее по секрету, только для Вас». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1953 г. / публ. и комм. А. В. Антощенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 242.

что государственная Конституция должна обеспечить свободу и равенство всех вероисповеданий «наряду с нерелигиозным самоопределением» граждан²⁸.

В качестве средства утверждения в России «централизованного единодержавия» он назвал в письме к А. В. Тырковой-Вильямс диктатуру, которая, однако, должна быть «не бездарная, а талантливая, христианская», наподобие диктатур Салазара в Португалии или Франко в Испании. Эти положения впоследствии вошли в текст книги «Воссоздание Святой Руси» в виде характеристики «диктатур умеренного типа», дополненных примером «бывшей Австрии»²⁹. Тем самым А. В. Карташев предлагал весьма сомнительные, близкие фашизму, политические режимы в качестве образца для подражания. Антисоветская направленность его идеологических установок в данном случае явно искажала его политическое видение ситуации. Напомню, что в 1923 г. Антон Владимирович, приветствуя антикоммунистическую направленность выступлений Муссолини³⁰, все же отказывал фашизму как языческому в своей основе национализму в творческом потенциале³¹. В общем-то, языческим по существу ему представлялся и нацизм³², что определило его отрицательное отношение к политике, особенно в церковно-религиозной сфере, лидеров национал-социалистической партии в Германии. Эти оценки с учетом опыта военного времени и соответствующим дополнением о «тоталитарной государственности» муссолиниевской Италии и гитлеровской Германии были сохранены в книге «Воссоздание Святой Руси»³³. Правда, теперь получалось, что христианская религия становилась всемогущей целительницей близких им режимов, готовых конституционно признать ее роль в общественной жизни.

Антисоветизм являлся определяющим и в его восприятии церковно-религиозных взаимоотношений среди эмигрантов и их отношения к Московской патриархии. Трезво оценивая сохранявшееся подчиненное «богоборческому государству» положение православной церкви в СССР несмотря на видимое разрешение и расширение ее деятельности с 1943 г., А. В. Карташев понимал, что советское правительство использовало ее в решении собственных внешнеполитических задач³⁴. Этим обуславливалась его позиция в вопросе о возвращении под юрисдикцию Московской патриархии возглавляемых митрополитом Евлогием (Георгиевским) православных приходов в Западной Европе, находившихся с 1931 г. на правах экзархата в Константинопольской патриархии. Не возражая против такого шага в принципе, он считал, что оправданным возвращение могло бы быть только в условиях предоставления полной свободы Русской православной церкви, что было невозможным в то время. Трактую причины решения митрополита Евлогия о воссоединении с матерью-церковью, А. В. Карташев сводил их к его личным психологическим мотивам — ностальгии владыки по родине³⁵. Особенно беспокоила Антона Владимировича возможность вследствие возвращения под омофор Московского патриарха

²⁸ Там же. С. 243.

²⁹ *Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси*. Париж, 1956. С. 61–64.

³⁰ Приветствие Б. Муссолини от Русского национального комитета // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 18. Л. 258.

³¹ См.: *Nivière A. Anton Kartachev historien de l'Église*. P. 125.

³² *Карташев А. В. Церковь и национальность* // Путь. 1934. № 44. С. 9–10.

³³ *Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси*. С. 61.

³⁴ «О новой церковной ориентации». С. 243, 248.

³⁵ Там же. С. 238–239.

политического контроля со стороны советских властей над деятельностью ССПБИ и утраты институтом финансовой подпитки со стороны протестантских церквей³⁶. К тому же решение о воссоединении было принято, с его точки зрения, в нарушение принципа соборности церковного управления, утвержденного на Поместном соборе 1917–1918 гг.³⁷ Поэтому он приветствовал отказ архиепископа Владимира (Тихоницкого) от линии своего предшественника, митрополита Евлогия, на присоединение к Московской патриархии³⁸.

Казалось бы, новый разрыв с Московской патриархией открывал возможность объединения всех антисоветски настроенных православных эмигрантов и восстановления *status quo ante*, существовавшего в начале 1920-х гг. Однако А. В. Карташев скептически относился к возможности объединения в послевоенных условиях с «карловчанами», считая по-прежнему именно их виновниками раскола эмигрантской церкви в середине 1920-х гг. По его мнению, церковное объединение российских эмигрантов было бы приемлемо только под омофором Вселенского патриарха, что означало для Антона Владимировича «войти в каноническую систему». Возглавить такой канонически оправданный самоуправляющийся русский Западно-европейский экзархат Константинопольской патриархии мог бы старейший по возрасту и сану митрополит Анастасий (Грибановский). В конце 1940-х гг. А. В. Карташев поддерживал в этом вопросе митрополита Владимира³⁹. Однако попытки договориться о церковном объединении не увенчались успехом, что потребовало от Антона Владимировича четко отмежеваться от реставраторской позиции «карловчан». Это было особенно важно, так как еще до Второй мировой войны он опубликовал статью⁴⁰, в которой пересматривал свое негативное отношение к синодальному периоду истории РПЦ, которым грешил в предреволюционные годы⁴¹, поэтому нужно было показать читателям, что стремление оправдать «историческое православие» не делало его «реставратором». В таком отождествлении для него заключалась «ошибка всей карловатчины в союзе с мертвыми монархистами»⁴², чем

³⁶ «О новой церковной ориентации». С. 241–243, 249.

³⁷ Там же. С. 243–247.

³⁸ «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия». С. 186–187. — О разрыве с Московской патриархией в это время см.: Попов А. В. Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. С. 263–264.

³⁹ «На нас лежит подвиг великого долготерпения». С. 302–303.

⁴⁰ Карташев А. В. Русская Церковь периода империи // Труды кружка «К познанию России». Вып. 2. Париж, 1937. С. 78–91.

⁴¹ См.: Бычков С. П. «Можно пустить действительную стрелу в сознание церкви, лишь став на общую с ней почву...» А. В. Карташев как аналитик событий церковной жизни России в 1911–1917 гг. в газете «Русское слово». Проблематика публикаций // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4. С. 69–80.

⁴² В данной части намечалось особенно сложное переплетение политического и религиозного контекстов. А. В. Карташев, как отмечалось выше, оставался верным «галлиполийскому мифу», или не мог «отойти от воинских организаций», как отмечала его жена в одном из писем Е. И. Новицкому (см.: Письмо П. П. Карташевой к Е. И. Новицкому от 20 марта 1950 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. В. 1. F.: Kartasheva, Pavla (Mrs. A. V.) v. p., 1949–1950 to Evgenii Isakievich Novitskii 2 a. l. s., 6 t. l. s.), что обуславливало восприятие его в глазах эмигрантов как близкого монархистам человека. Однако монархизм был не политическим, а теократическим принципом Антона Владимировича, считавшего возможным освящение миропомазанием только власти монарха и осознававшего нелепость такого акта в отношении представителей парламентарных форм правления. Этим определялись порой сложные коллизии его взаимоотношений с «военными». По приглашению руководства РОВС 22 октября 1949 г. А. В. Карташев выступил на собрании организации, посвящен-

обосновывалась необходимость вести полемику «без всякой надежды на понимание с о. игум. Константином (Зайцевым)»⁴³.

Однако К. И. Зайцев был не единственным, с кем размежевался в своей книге «Воссоздание Святой Руси» А. В. Карташев, что требует более внимательно взглянуть на академический контекст. В ССПБИ, или Академии, как по старой привычке называл этот институт Антон Владимирович, в послевоенный период произошли существенные изменения, наметившиеся еще в годы войны. Первоначальный состав профессоров значительно сократился и пополнился молодым поколением, выросшим в эмиграции и прошедшим подготовку в стенах *alma mater*. Причем между поколениями наметился разлад, отмечаемый как старшими, так и молодыми преподавателями⁴⁴. Возвращение в ССПБИ Г. В. Флоровского превратило его в глазах части молодежи в лидера. После его переезда в США в 1948 г. вслед за ним в Свято-Владимирскую духовную академию (далее — СВДА) отправился сначала о. А. Шмеман, а затем С. С. Верховской, превращая внутренние, незаметные постороннему взгляду разногласия во внешне видимый географический разрыв. Антон Владимирович спокойно относился к этому процессу, видя в нем «царскую щедрость» ССПБИ по отношению к СВДА, до тех пор, пока из-за него явственно не проявилось различие в понимании значения православия.

Лакмусовой бумажкой в этом для него стал сборник «Православие в жизни», изданный в 1953 г. в Нью-Йорке. Для сборника он написал две статьи. После его публикации Антон Владимирович с удивлением и обидой заметил, что только его тексты сопровождалась уточняющими критическими пассажами редактировавшего сборник С. С. Верховского. Его бывший ученик не соглашался с учителем по важным для того вопросам. Во-первых, он отрицательно оценил факты вмешательства христианских монархов в управление церковью, назвав их «злом» и отметив, что в этом «нет необходимости даже при тесном сотрудничестве Церкви и государства»⁴⁵, а также заявил, что не думает, что «в настоящее время все православные должны быть монархистами»⁴⁶. Во-вторых, С. С. Верховской не соглашался с мнением А. В. Карташева о православном духовенстве в СССР, отмечая: «Можно думать, что далеко не вся русская иерархия фактически служит интересам советской власти»⁴⁷. Неоднократные ремарки по этому поводу в письмах Антона Владимировича Г. И. Новицкому свидетельствуют о том, что за ними скрывалась личная обида, обобщавшаяся до уровня принципиальных расхождений, как, например, в письме от 27 июля 1955 г.

«Но вообще в этих вопросах мы врезаемся в объективно-неизбежный факт глубокого (соответствующего глубине революционной пропасти) разрыва во всех оценках, во всем мироощущении между нами, еще русскими людьми, и новым

ном ее 25-летию, с речью, которая, по оценке его жены, «крайне не понравилась крайним монархистам». См.: Письмо П. П. Карташевой к Е. И. Новицкому от 25 октября 1949 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. В. 1. Ф.: Kartasheva, Pavla (Mrs. A. V.) v. p., 1949–1950 to Evgenii Isakievich Novitskii 2 a. l. s., 6 t. 1. s.).

⁴³ «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”». С. 301.

⁴⁴ См.: Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский: Письма 1947–1955 годов / сост., пред. П. Л. Гаврилюк. М., 2019. С. 116, 127, 130, 132–136, 146, 150–151 и др.

⁴⁵ *Карташев А. В.* Церковь и государство // Православие в жизни. Нью-Йорк, 1953. С. 161.

⁴⁶ *Карташев А. В.* Православие и Россия // Там же. С. 204, 207.

⁴⁷ Там же. С. 202.

эмигрантским, уже не вполне русским молодым поколением и его судьбой в будущей России. Думаю, что последняя, как накаленно политическая, отвергнет наших буквальных эмигрантов-“аполитиков”. Это шанс для выигрыша в первом туре для узеньких карловчан.

Православие — не только культ, но и вся жизнь, т. е. и государство, и политика. Лицемерно играя в “аполитизм”, Алексей и Никол[ай] Крутицкий фатально, в силу природы вещей, стали до кощунственности орудиями, лакеями антихристовой политики. “Тони природу в дверь, она влетит в окно...”

Во второй части моей книжки, озаглавленной “Размежевания”, я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”. Это вопрос большой и большой»⁴⁸.

Не удивительно, что и в книге «Воссоздание Святой Руси» А. В. Карташев сосредоточился именно на редакторских примечаниях С. С. Верховского, ни словом не обмолвившись о его крупных работах⁴⁹, появившихся ко времени издания книги, и лишь упрекнув его в «сознательном умолчании» о «всей категории государственности» в редакторской статье «Православие и современность», открывавшей сборник «Православие в жизни»⁵⁰.

Более конкретно на страницах книги представлены его разногласия с другим учеником — о. А. Шмеманом. Эволюцию его религиозно-исторических взглядов учитель представил как отход «от предания школы» (выраженного местами весьма эгоистически как «моей апологии византизма и моего завета»), обусловленный утратой чувства «полноты национальности и государственности». Подробно об этом он писал в письме Г. И. Новицкому от 9 июля 1955 г.: «Вот и в нашей академической жизни, и в богословских точках зрения, и в практическом церковном пафосе исподволь, а теперь и резко, прошла разделяющая грань внимания, интереса и понимания. Никто не может избежать этого закона времени и этого различия суждений. Наша молодежь обескровилась, разгосударствилась, денационализировалась. За последний существенный корень своей семейной национальности она держится с исключительным пафосом. Вращаясь во французской академической среде, она одевается в алтаре в стихари, пономарит и иподиаконствует с восторгом, как невеста в венчальной фате. Это очень трогательно и ценно, но это поглощает и все полнокровие ее христианского и богословского мировоззрения. Она исповедует православие не только внеисторическое, внеполитическое, но даже и антинародное. Мы для нее в православии солдафоны, мужиковатые Кутеповы, отсталые дикари. Наша прежняя психология членов церковно-государственного русского единого организма им представляется ископаемым дикарством. Наше православие они думают возвысить своей бескровной стерилизацией и денационализацией. Когда они явятся в освобожденную Россию, то действительно дикие и действительно темные карловчанские примитивы перехватят у них влияние над полнокровным, не оскотенным инстинктом воскресающего традиционного, тысячелетнего

⁴⁸ «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”». С. 300.

⁴⁹ В том же 1956 г., когда вышла в свет книга А. В. Карташева «Воссоздание Святой Руси», издательством имени Чехова был опубликован сборник наиболее значимых работ С. С. Верховского. См.: *Верховской С. С. Бог и человек. Учение о Боге и Богопознании в свете Православия*. Нью-Йорк, 1956.

⁵⁰ *Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси*. Париж, 1956. С. 182–186.

инстинкта народного православия... Я раскрытию этой духовной идеологич[еской] болезни посвящаю вторую, полемич[ескую] часть моей книжки»⁵¹.

В критике о. А. Шмеманом «оплакиваемого» А. В. Карташевым византийского теократизма учитель очень точно подметил не только отрицание учеником христиански обосновываемого мессианизма (будь то эллинского или русского), но и скептическое отношение к возможности приложения халкидонского догмата о богочеловеческой природе Христа «по аналогии» ко взаимоотношениям церкви и государства. Доброжелательная и назидательная критика учителя должна была подтолкнуть ученика к пересмотру догматического основания своих взглядов (не зря А. В. Карташев неоднократно отмечал, что разбираемые им работы А. Д. Шмемана написаны историком и богословом). А неоднократные указания на «диссонансы» и «противоречия» в рассуждениях и аргументации определяли направление такого догматического переосмысления (антиномичность халкидонского догмата «сняла» бы их). Однако этого не произошло. При публичном обсуждении 23 и 30 января 1957 г. в Нью-Йорке книги «Воссоздание Святой Руси» А. Д. Шмеман уже открыто заявил об ошибочности применения халкидонского догмата по аналогии ко взаимоотношениям церкви и государства, сузив возможность такого суждения применительно только к церкви, в которой «есть божеское и человеческое»⁵². При этом «ученик» достаточно прозрачно намекнул, что является в данном вопросе последователем о. Г. Флоровского, указав на отсутствие применения халкидонского догмата к отношениям церкви и государства у отцов церкви, а в качестве истока таких представляющих «большую опасность» взглядов — на идею Богочеловечества Вл. Соловьева, заслоняющую, по мнению о. А. Шмемана, Богочеловека⁵³.

На этом фоне несколько странным выглядит первое из «размежеваний» — «соседское размежевание» с епископом Кассианом (Безобразовым), принадлежавшим к отцам-основателям ССПБИ. А. В. Карташев знал С. С. Безобразова еще с дореволюционной поры совместной службы в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, когда он, как заведующий богословским отделом, наставлял его на путь истины, что с признательностью вспоминал и признавал последний⁵⁴. Думается, что эти

⁵¹ «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”». С. 199.

⁵² *Полторацкий Н. П.* Церковь и государство. Собеседования о книге А. В. Карташева «Воссоздание Св. Руси» // Вестник РСХД. 1957. № 46. С. 28. — Этим, кстати, объясняется и отмеченное А. В. Карташевым в «Размежевании с бескровным эмигрантством» отличие его понимания ролей клира и мирян в Церкви от того, что предполагалось о. А. Шмеманом (См.: *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. С. 208–209). За этим различием стояли и разные судьбы и разная психология: А. В. Карташев вышел из посессионных крестьян в интеллигенции, а о. А. Шмеман стал священником; А. В. Карташев еще с дореволюционных времен был приверженцем особой миссии мирянских братств, что выразилось в его активном участии в Братстве Святой Софии, а в частной переписке рассматриваемого периода весьма критически отзывался об уровне культуры и образования клира и иерархов Западноевропейского экзархата, тогда как о. А. Шмеман язвительно назвал руководство ССПБИ — епископа Кассиана (Безобразова), архим. Киприана (Керна) и проф. А. В. Карташева — ККК (Ку-клуks-клан), а позже разошелся с о. Г. Флоровским, считавшим необходимым насаждать необоснованно высокие академические требования в СВДА, в понимании принципов подготовки будущих священников. Принципу «византийской теократии» А. В. Карташева А. Д. Шмеман противопоставил парадоксальный принцип «византийского гуманизма».

⁵³ *Полторацкий Н. П.* Церковь и государство. Собеседования о книге А. В. Карташева «Воссоздание Св. Руси». С. 29.

⁵⁴ *Кассиан (Безобразов), еп.* Антон Владимирович Карташев // Православная мысль. Париж, 1957. Вып. XI. С. 9–10, 12–13.

отношения наставничества сохранились и в годы совместной преподавательской деятельности в ССПБИ. После Второй мировой войны, когда А. В. Карташев был первым из отцов-основателей института удостоен докторской степени *honoris causa*, он выступил оппонентом при защите тогда еще архимандритом Кассианом докторской диссертации «Водою и Кровию, и Духом» (опыт истолкования четвертого Евангелия)» 29 июня 1947 г.⁵⁵ На вышедшую через два года после этого брошюру уже епископа Кассиана «Царство Кесаря перед судом Нового Завета»⁵⁶ А. В. Карташев откликнулся рецензией, в которой критиковал его за проповедь «отчуждения Царства Божия от царства кесаря»⁵⁷. Вновь вернуться к этой теме в своей книге он решил, очевидно, чтобы укрепить единство старшего поколения преподавателей и не оставить «молодым», весьма критически относившимся к епископу Кассиану как к ректору и слабому администратору⁵⁸, никаких возможностей использовать разногласия в среде отцов-основателей. Следует признать, что ему это удалось не в полной мере. В юбилейной речи в связи с восьмидесятилетием Антона Владимировича епископ Кассиан специально подчеркнул, что верность халкидонскому догмату выражала их «общее! — христианское сознание», а полемика А. В. Карташева с ним отчасти основана на недоразумении. Однако, признавая единство «парижского богословия», ректор отмечал психологические различия в восприятии перспектив борьбы за «оцерковление» мира сего. В отличие от оптимистично настроенного Антона Владимировича епископ Кассиан скептически оценивал возможность христианской победы над стремящимся к тоталитаризму государством⁵⁹. Это позволило профессору СВДА А. А. Боголепову противопоставить их оценки взаимоотношений церкви и государства во время обсуждения книги А. В. Карташева в Нью-Йорке, заявив: «Государство и церковь слишком различны. Епископ Кассиан прав — пытаться соединить несоединимое нельзя. Проф. К[арташев] предлагает теперь использовать отделение церкви от государства. Получается парадокс: секуляризованная демократия для церкви лучше, чем религиозная Византия»⁶⁰.

Понимание А. В. Карташевым расхождения с представителями даже старшего поколения подталкивало его к поиску союзников среди уже ушедших из жизни и здравствовавших тогда еще философов. Правда, Б. П. Вышеславцев плохо подходил на эту роль по указанной уже причине, да и в прошлом он оказывался ненадежным соратником, так как солидаризировался в предпочтении демократических форм правления с Н. Н. Алексеевым⁶¹, долгое время сотрудничавшим с евразийцами, с которыми Антон Владимирович распрощался еще в 1923 г.⁶² Зато Ф. А. Степун, с которым в то далекое время были разногласия по вопросу об отношении к революции (в отличие от непримиримого А. В. Карташева он выступал в начале

⁵⁵ Спасский Ф. Г. Летопись академической жизни в 1946–1947 уч. году // Православная мысль. Париж, 1948. Вып. VI. С. 185.

⁵⁶ Кассиан (Безобразов), еп. Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949.

⁵⁷ Карташев А. В. Достижима ли христианская государственность? // Церковный вестник Западно-европейского православного русского экзархата. 1949. № 21. С. 32–33.

⁵⁸ «Позвольте быть до обнаженности откровенным». С. 290.

⁵⁹ Кассиан (Безобразов), еп. Антон Владимирович Карташев. С. 13.

⁶⁰ Цит. по: Полторацкий Н. П. Церковь и государство. С. 28.

⁶¹ Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. С. 211–213.

⁶² См.: Антощенко А. В. А. В. Карташев и евразийцы // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 112–123.

1920-х гг. за «духовное принятие революции»), теперь вполне подходил для обширного цитирования⁶³, так как был близок к пониманию А. В. Карташевым «орденской» роли интеллигенции и к его критическому восприятию оторванности Русского студенческого христианского движения от социальных задач.

Наконец, следует сказать об организационно-финансовом контексте публикации книги, без чего она не увидела бы свет. Уже отмечалось, что первоначально А. В. Карташев надеялся издать ее в серии «Православие и современность», редактируемой В. В. Зеньковским. Однако после заявления о недостатке средств на публикацию он забрал рукопись («чему Зеньковский был очень рад», — как заметила в письме Е. И. Новицкому от 17 марта 1955 г. жена Антона Владимировича) и передал ее издателям журнала «Посев», которые, опять же по мнению П. П. Карташевой, «не могли переварить ни ее названия, “Воссоздание Свя[той] Руси”, ни некотор[ых] частей ее содержания»⁶⁴. Поскольку А. В. Карташев полагал, что субсидируемая американцами YMCA-Press не возьмется за издание «реакционной» книги, после «двухлетней проволочки» он согласился на напечатание книги «по подписке». Инициатором такой организации издания выступил член Союза русских писателей и журналистов в Париже юрист В. И. Манаенков, давший объявление о подписке на издание по цене 700 франков в газете «Русская мысль» и «сосватавший» в председатели специально созданного для публикации книги Особого комитета выпускника ССПБИ епископа Сильвестра (Харунса), выразившего готовность опубликовать ее «без своей цензуры»⁶⁵. Попытки найти более дешевые условия издания в Германии и Аргентине не дали результата, поэтому было принято решение обратиться в типографию «Navarre», где у епископа Сильвестра были «связи для понижения цены». Однако предложенная «Impr[imerie] Coopérative “Étoile”» стоимость оказалась ниже, что повлияло на решение передать издание книги этому кооперативу. Поскольку подписка в Париже шла с большими трудностями, братья Г. И. и Е. И. Новицкие организовали сбор средств в США. Присланные Георгием Исаковичем сначала 100 долларов как подарок к восьмидесятилетнему юбилею были дополнены собранными ими еще 150 и 100 долларами, что позволило покрыть треть расходов тиража, сокращенного вдвое (с 1200 до 600 экземпляров). Еще одну треть тиража выкупил магазин YMCA-Press, а на последнюю треть епископ Сильвестр и В. И. Манаенков взяли кредит у «книгопродавцев»⁶⁶. Воодушевленный решением организационно-финансовых вопросов А. В. Карташев быстро отредактировал гранки книги. 12 декабря 1955 г. к нему пришел фотограф, чтобы сделать снимок, который по предложению епископа Сильвестра решено было поместить в 100 экземплярах книги, выпущенных на лучшей бумаге. Объясняя характер изображе-

⁶³ *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. С. 215–220.

⁶⁴ Письмо П. П. Карташевой к Е. И. Новицкому от 17 марта 1955 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. В. 1. F.: Kartasheva, Pavla (Mrs A. V.) Paris, 1951–1955, to Evgenii Isakievich Novitskii, 5 t. l. s. — А. В. Карташев писал об этом же Е. И. Новицкому чуть раньше, 3 апреля 1955 г.: «“Посевщики” пообещали поставить книжку в хвост ожидания очереди. Но все-таки выразили пожелание сократить полемический элемент, т. е. обеднить и оскопить книжку» (Письмо А. В. Карташева к Е. И. Новицкому от 3 апреля 1955 г. // Ibid. F.: Kartashev, Anton Vladimirovich, Roquebrune, France & n. p., 1955, to Evgenii Isakievich Novitskii, 9 a. l. s.).

⁶⁵ Письмо П. П. Карташевой к Е. И. Новицкому от 17 марта 1955 г. // Ibid. F.: Kartasheva, Pavla (Mrs A. V.) Paris, 1951–1955, to Evgenii Isakievich Novitskii, 5 t. l. s.

⁶⁶ Письмо А. В. Карташева к Е. И. Новицкому от 11 ноября 1955 г. // Ibid. F.: Kartashev, Anton Vladimirovich, Roquebrune, France & n. p., 1955, to Evgenii Isakievich Novitskii, 9 a. l. s.

ния на широко известной сейчас фотографии, А. В. Карташев сообщал в письме Е. И. Новицкому от 14 декабря 1955 г.: «Прилагаю еще сделанную в связи с этим фотографию у меня на дому. Я только что в первый раз оделся после клинического положения. На лице — печать усталости. Обычно я бодрее и живее»⁶⁷. В начале 1956 г. книга была издана.

Таким образом, выход в свет (как обычно называется процесс публикации издателями) книги А. В. Карташева «Воссоздание Святой Руси» был обусловлен идейно-политическим, религиозно-церковным, академическим и организационно-финансовым контекстами. Определяющим среди них был идейно-политический, связанный с изменением настроений и состава эмиграции. Распространение среди определенной части эмигрантов советского патриотизма, вызванного вкладом СССР в победу над гитлеровской Германией, а также пополнение российских по происхождению диаспор в странах «рассеяния» антисоветски настроенными перемещенными лицами породили интенцию автора напомнить первым и познакомиться вторых со своими представлениями о подлинном культурно-историческом идеале, который мог бы стать основой для их идентичности. Подоплекой этого желанья были верность принципу непримиримости с советской властью, склонность к монархизму и политический центризм, призванный объединить все антибольшевистские силы эмиграции. Однако сохраняющиеся церковные разделения в эмигрантской среде, порожденные политическими противоречиями среди эмигрантов и сопровождавшиеся различным пониманием роли православия в жизни, требовали от А. В. Карташева размежевания со своими оппонентами из числа «карловчан», чем было вызвано включение в текст книги соответствующего раздела, особенно значимого для автора. Причем к старым церковно-каноническим противоречиям добавлялись новые религиозные, вызванные разделением на старшее и младшее поколения в «школе парижского богословия», отражавшим аналогичное разделение в идейно-политических ориентациях старшего и младшего поколений эмигрантов, наметившееся еще до Второй мировой войны. Наконец, идейно-политическая ситуация в эмиграции определила и организационно-финансовые возможности издания, не дав автору шанса найти поддержку как у настороженно относившихся к его творчеству коллег, так и у «посетчиков» и не позволив обратиться за финансовой поддержкой к американским покровителям ССПБИ. Не удивительно, что А. В. Карташев ощущал свою политическую изолированность и считал выход книги в свет счастливой случайностью, хотя и пророчески обосновывал ее значение для будущей свободной России. Последнее вполне соответствовало его религиозному мировосприятию, при котором свободный человек в своем творчестве выступал средством реализации божественного провидения, а степень этой реализации соборно определялась церковью.

References

Antoshchenko A. V. Ob evolutsii teokraticeskogo ideala A. V. Kartasheva. *Veche*, 1997, issue 9, pp. 71–86. (In Russian)

⁶⁷ Письмо А. В. Карташева к Е. И. Новицкому от 14 декабря 1955 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. B. 1. F.: Kartashev, Anton Vladimirovich, Roquebrune, France & n. p., 1955, to Evgenii Isakievich Novitskii, 9 a. l. s.

- Antoshchenko A. V. A. V. Kartashev i evraziitsy. *Dialogue with time*, 2020, issue 70, pp. 112–123. (In Russian)
- Antoshchenko A. V. Kontsepsiia drevnerusskoi sviatosti G. P. Fedotova (ob odnoi skrytoi polemike v russkoi emigratsii 1930-kh gg.). *Perekrestok kul'tur: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk*. Moscow, Logos Publ., 2004, pp. 132–151. (In Russian)
- Antonin A. V. Raznye liki “sovetskogo patriotizma”? *Diskussiia*, 2012, no. 4, pp. 12–16. (In Russian)
- Bychkov S. P. “Mozhno pustit’ deistvennuiu strelu v soznanie tserkvi lish’ stav na obshchuiu s nei pochvu...” A. V. Kartashev kak analitik sobytii tserkovnoi zhizni Rossii v 1911–1917 gg. v gazete “Russkoe slovo”. Problematika publikatsii. *Herald of Omsk University. Series “Historical sciences”*, 2019, no. 4, pp. 69–80. (In Russian)
- Egorov A. N. Anton Vladimirovich Kartashev: «My byli slishkom Gamletami i ne mogli ugnat’sia za katastroficheskim khodom sobytii...» *Rossiiskii liberalizm: idei i liudi*. Moscow, Novoe izdatel’stvo Publ., 2007, pp. 831–843. (In Russian)
- Klimovich L. V. Popytka ob’edineniia rossiiskikh emigratskikh organizatsii v Fiussene, Shtutgarte, Visbadene. *Nauchyi dialog*, 2015, no. 12 (48), pp. 268–279. (In Russian)
- Nivière A. Anton Kartachev historien de l’Église. *Les historiens de l’émigration russe*. Cahiers de l’émigration russe 7. Par D. Beaune-Gray. Paris: Institut d’études slaves, 2003, pp. 121–140.
- Peshkov A. A. Kontsepsiia «Sviatoi Rusi» v tvorchestve A. V. Kartasheva. *XXI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniia. Russkaia pravoslavnaia tserkov’ i otechestvennaia gosudarstvennost’*. Nizhnii Novgorod, Povolzh’e Publ., 2012, pp. 182–187. (In Russian)
- Peshkov A. A. Teokraticheskaia missiia Tserkvi v sovremennom obshchestve v idee “Vozrozhdeniia Sviatoi Rusi” A. V. Kartasheva. *Trudy Nizhegorodskoi Dukhovnoi seminarii*, 2018, no. 16, pp. 435–447. (In Russian)
- Petro N. N. Challenge of the “Russian Idea”: Rediscovering the Legacy of the Russian Religious Philosophy. *Christianity and Russian Culture in Soviet Society*. CCRS Series on Change in Contemporary Soviet Society. London, Westview Press, 1990, pp. 206–212.
- Popov A. V. *Rossiiskoe pravoslavnoe zarubezh’e: Istorii i istochiniki*. Moscow, IPVA Publ., 2005, 619 p. (In Russian)
- Sakharov A. M. Apostol istorii “Sviatoi Rusi” (Anton Vladimirovich Kartashev). *Otechestvennaia istoriia*, 1998, no. 5, pp. 89–107. (In Russian)
- Samover N. V. Gallipoliiskaia mistika A. V. Kartasheva. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Yearbook for 1998*. Moscow, OGI Publ., 1998, pp. 334–368. (In Russian)
- Somin N. V. A. V. Kartashev o vzaimootnosheniakh tserkvi i gosudarstva. *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta*. Proceedings of 1998. Moscow, PSTBI Publ., 1998, pp. 159–162. (In Russian)
- Volkman H. E. Die politischen Hauptstromungen in der russischen Emigration in Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg. *Osteuropa. Zeitschrift für gegenwartsfragen des ostens*, 1965, Hf. 4, S. 243–252.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2021 г.

Рекомендована к печати 17 декабря 2021 г.

Received: September 17, 2021

Accepted: December 17, 2021